

Александр Волков

МСБ Том 5: ЗОВ ИЗ ЗАВТРА

18+

Александр Волков

МСБ Том 5: ЗОВ ИЗ ЗАВТРА

«Автор»

2026

Волков А.

МСБ Том 5: ЗОВ ИЗ ЗАВТРА / А. Волков — «Автор», 2026

Будущее неопределённо. Тишина — глухая, абсолютная, как приговор. Пятеро, давно оставившие войну ради покоя, снова берут оружие. Ради тех, кто не вернулся. Ради своих детей, которые должны жить в мире, где у завтра есть голос. Их ждут эпохи, которым нет названия. Время, которое не прощает ошибок. И путь, с которого нельзя свернуть. Они идут не за победой. Они идут за ответом. Или за концом.

© Волков А., 2026

© Автор, 2026

Александр Волков

МСБ Том 5: ЗОВ ИЗ ЗАВТРА

Том 5: ЗОВ ИЗ ЗАВТРА (*Путешествие во времени*)

Пролог:

Золотой Век. Мир после победы.

Акт I: Золой Век и Немой Колокол.

стр 2

Акт II: Визит старых псов. Призыв.

Стр 7

Акт III: Семейный совет. Цена долга.

Стр 12

Акт IV: «Возвращение». Прыжок.

Стр 14

Акт V: Прыжок в Ад (Л+100 Лет).

Стр 18

Акт VI: Освобождение (Л+200 Лет).

Стр 22

Акт VII: Железный Щит (Л+400 Лет).

Стр 29

Акт VIII: Великий Крик Империи (Л+800 Лет).

Стр 34

Акт IX: Обратный ход. Охота на призрака.

Стр 38

ТОМ 5: ЗОВ ИЗ ЗАВТРА

ПРОЛОГ: ЗОЛОТОЙ ВЕК. МИР ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Мир был не просто спасён. Он превзошёл сам себя. Цивилизация, выкованная в горниле войны с «Исходом», не просто восстановилась — она совершила качественный скачок, достиг-

нуж состояния, которое историки будущего назовут Первой Истинной Утопией. Нищета, голод, войны за ресурсы стали архаизмами, музейными экспонатами наряду с ядерными боеголовками. Всеобщий доступ к энергии, нанопроизводству и знаниям породил общество, где ценность измерялась не владением, а вкладом, творчеством и глубиной понимания.

Сердцем новой эпохи стал Галактический Парламент Народов (ГПН), заседавший на сияющем орбитальном кольце «Ойкумена». Здесь не спорили о границах — их больше не существовало в старом смысле. Здесь дискутировали о поэтике первого контакта, о правах искусственных сознаний, о моральных рамках генетического дизайна. Старые солдаты — генералы МСБ и ветераны «Персеев» — образовали Совет Наблюдателей, ставший «иммунной системой» цивилизации. Их задачей было не управлять, а тихо и неотвратительно пресекать любую попытку вернуть старые яды: тотальный контроль, оружие массового подавления, технологии, поработавшие разум. Они были стражами у врат Рая, помнящими, как выглядит Ад.

И в этом сияющем мире обрели свой покой те, кто когда-то его отстоял. Титаны.

Алексей Соколов (Воевода)

и

Ева

растили двух сыновей, Михаила и Кирилла, на бескрайнем ранчо в Патагонии. Здесь Алексей, чья воля когда-то ломала сталь, теперь учил мальчишек не силе удара, а силе характера, чувству ответственности за землю под ногами и за каждого, кто на ней живёт. Ева, её гений теперь направленный на агро- и климатические симфонии, была живым воплощением гармонии между разумом и природой.

Пётр Волков (Охотник)

и

Алиса

нашли пристанище на частном острове-биосферном заповеднике. Их дочь, Стефания, с детства понимала язык дельфинов и алгоритмы экобаланса лучше, чем детские стишки. Пётр, чьи кулаки поглощали энергию взрывов, теперь всю свою мощь вкладывал в защиту хрупкой жизни, а Алиса, мастер финансовых паутин, плела сети глобальных экологических фондов.

Фёдор Орлов (Воин)

и

Вера

основали гималайскую обитель, «Храм Тишины». Их сын, Данила, постигал искусство меча не как убийства, а как высшую форму диалога с миром, где каждое движение — медитация, а резонанс клинка с воздухом — часть вселенской симфонии. Здесь Вера была тихой гаванью, а её эмпатия исцеляла не раны, а старые шрамы на душах.

Игорь Лебедев (Стрелок)

и

Софья

превратили шотландское поместье в цитадель знания. Их близнецы, Артём и Анна, среди древних фолиантов и голографических матриц учились видеть не детали, а связи между ними. Игорь, чья точность была абсолютна, теперь направлял её на решение квантовых парадоксов, а Софья, чей ум был энциклопедичен, писала философские трактаты о природе пост-героической этики.

Константин Михеев (Механик)

и

Настя

устроили логово в укрепленном комплексе внутри кратера. Их дочь, Ярослава, в пять лет разбирала голографические модели термоядерных реакторов, а сказки ей рассказывал дружелюбный ИИ, бывший когда-то боевым тактиком. Константин строил не оружие, а чудеса инженерной мысли — гравитационные лифты, подводные города. Настя же находила кайф во взломе не систем, а фундаментальных законов физики.

Они были счастливы. По-настоящему. Их война кончилась. Их мир был прекрасен.

Человечество стояло на пороге звёзд. На верфях у Юпитера, используя принципы, обращённые против «Небосвода», строились ковчеги «Поколение-1». Мечта о межзвёздных перелётах становилась реальностью.

Но настоящую революцию совершил Хронос-драйв. Не двигатель для путешествий в пространстве, а машина для путешествий во времени. Вернее, в будущее. Гигантский «Хроно-носитель», разогнавшись до невообразимой скорости, входил в стабильную релятивистскую орбиту вокруг Земли. Движение по часовой стрелке уносило его вперёд по временной линии. Движение против... было возможно. Теоретически. Но Первая Хроно-этическая конвенция ГПН наложила на путешествия в прошлое вечный, абсолютный запрет. Табу, нарушение которого было равноценно вселенскому преступлению. Будущее же манило как новая, величайшая граница.

Так родился «Проект "Легенда"». Цель — не изменить ход истории, а увидеть её. Послать разведчиков в грядущие века, получить знания, предостережения, ключи к технологиям, способным решить проблемы, ещё даже не возникшие. Экипажи отбирали с невероятной тщательностью: лучшие учёные, философы, инженеры. И обязательно — ветераны «Персеев». Их психика, закалённая в самых страшных испытаниях, их преданность человечеству, их воля считались самым надёжным щитом в столкновении с неведомым.

Четыре миссии. Четыре прыжка в завтра.

АКТ I: ЗОЛОЙ ВЕК И НЕМОЙ КОЛОКОЛ

Планирование «Легенды» было образцом научной и этической строгости. Каждая миссия представляла собой не просто прыжок, а тщательно выверенный эксперимент по взаимодействию с грядущими эпохами.

«Легенда-100»

была миссией уверенности. Сто лет — расстояние, которое можно было просчитать с погрешностью в доли процента. Экипаж, состоявший из лучших инженеров-космистов, социологов и историков, должен был прибыть в эпоху полного расцвета Солнечной системы. Они должны были увидеть Марсианские мегаполисы, Венеру под первыми куполами-атоллами, космические лифты на Земле и Луне, астероидные пояса, превращённые в гигантские автоматические сады. Их задачей было не вмешиваться, а вести летопись, подтвердить правильность выбранного вектора. Они уносили с собой капсулы времени для своих правнуков и ключи шифрования для архивов «Ойкумены». Их возвращение должно было стать праздником подтверждения — да, мы на верном пути.

«Легенда-200»

была миссией первого контакта с Иным. Двести лет — прогнозируемый срок выхода человечества за пределы гелиосферы с помощью новых двигателей. Экипаж включал ксенобиологов, лингвистов широкого профиля, специалистов по неуглеродной химии и, что критически важно, — ветеранов-«Персеев» с их стальной психикой. Они готовились встретить не разум, но сложность. Океаны под льдом Европы, плавающие колонии в атмосферах газовых

гигантов, странные кристаллические формы жизни на далёких планетах-сиротах. Их отчёты должны были стать новым «Дарвиновским путешествием» для всей цивилизации, картой чудес и опасностей молодого космоса.

●
«Легенда-400»

была миссией творцов. Четыре века — расчётное время для начала масштабного терраформирования. Экипаж, укомплектованный климатологами планетарного масштаба, геоинженерами, экспертами по экосистемному дизайну и философами, должен был наблюдать, как человечество впервые берёт на себя роль демиурга. Превращение красных пустынь Марса в зелёные долины, рождение атмосферы на безвоздушных мирах, создание биосфер с нуля. Их миссией была не оценка успеха, а этический аудит. Готово ли человечество нести такую ответственность? Не повторяет ли оно ошибок Земли на новом уровне?

●
«Легенда-800»

была миссией в абсолютную неизвестность. Восемь веков — за горизонтом достоверного прогноза. Это была миссия чистых вопросов. Кем мы стали? Сохранили ли человечность, расселившись по звёздам? Что есть «человек» в эпоху симбиоза с ИИ и генной инженерии? Экипаж «Легенды-800» был собран из универсальных гениев, визионеров, поэтов науки и, опять же, «Персеев» — как якоря, призванные удержать их идентичность перед лицом любого шока. Они уходили не за конкретными данными. Они уходили за видением. За образом будущего, столь же далёким и непостижимым для людей XXI века, как их нынешний мир был бы непостижим для крестоносца.

Протокол был безупречен: год на адаптацию и скрытое наблюдение, год на обратный путь и кодирование отчёта. И главное — мгновенная сверхсветовая связь по квантово-запутанному каналу (потомку «Моста-Омега») в момент прибытия в целевую эпоху. Не после года адаптации. Сразу. Чтобы первым сообщением домой стало простое, обнадеживающее: «Мы прибыли. Будущее существует».

Весь цивилизованный мир, затаив дыхание, следил за возвращением «Легенды-800». Это было грандиозное событие, транслируемое на все колонии и поселения. Учёные ждали открытий. Поэты — новых мифов. Простые люди — подтверждения, что путь их детей и внуков ведёт к свету.

Срок наступил. Часы, синхронизированные с релятивистскими часами миссии, показали ноль.

Тишина.

Глухая, абсолютная. Ни предварительного сигнала о выходе из прыжка. Ни короткого «всё в порядке». Ни даже искажённого крика или всплеска паники. Мониторы показывали лишь зелёную линию «ожидание сигнала» на фоне чёрного космического шума. Объяснили сразу: невообразимая дистанция, возможны релятивистские искажения канала, сбой синхронизации. Но в зале управления на «Ойкумене», где собралась элита науки, уже поселился холодок. Научный руководитель проекта, седой профессор, тихо прошептал в идеальную тишину: «Этого не может быть».

Затем пришёл срок «Легенды-400». Напряжение было уже ощутимым. Люди смотрели на экраны не с надеждой, а с тревожным ожиданием. Четыре столетия — огромный срок, но канал был рассчитан на большее.

Тишина. Та же самая, всепоглощающая. На этот раз не было даже попыток успокаивающих объяснений. В научном сообществе началась тихая, профессиональная паника. Версии о вселенской катастрофе, о «Великом Филт্রে», который человечество не смогло преодолеть, перестали быть маргинальными. Их обсуждали шёпотом в коридорах, с сухими, побелевшими губами.

Потом — «Легенда-200». К этому моменту мониторинг вёлся уже в режиме постоянного кризиса. Два века. Всего два столетия. Эпоха, для которой у них уже были рабочие модели, которую они почти ощущали. Срок прибытия.

Тишина. Она оглушила. Она была не отсутствием данных, она была ответом. Ответом будущего на их надежды. Пустота в эфире звенела, как похоронный колокол. На лицах операторов, которые десятилетиями готовили эти миссии, застыло выражение чистого, немомого ужаса. Одна из них, женщина, лично знавшая нескольких членов экипажа «Легенды-200», беззвучно заплакала, уставившись в непроглядную черноту экрана.

И тогда осталась последняя, тонкая нить надежды. «Легенда-100». Прыжок всего на один век. В их собственное, ясное, предсказуемое завтра. В эпоху, где технологии их сегодняшнего дня должны были достигнуть зрелости, где их дети должны были стать полноправными хозяевами Солнечной системы. «Если и они молчат, — подумал каждый, боясь озвучить, — значит, конец наступил не в далёком будущем. Он ждёт нас уже за ближайшим поворотом».

Весь ГПН замер. Совет Наблюдателей в полном составе молча смотрел на главный экран в своём бункере. Титаны, каждый в своём убежище, отвернулись от семей, от счастья, которое вдруг стало хрупким как стекло, и уставились на каналы связи. Алексей обнял за плечи Еву, чувствуя, как она напряжена. Пётр сжал руку Алисы так, что кости хрустнули. Фёдор и Вера стояли рядом, не дыша. Игорь и Софья держали близнецов близко, как будто могли защитить их от тишины из завтра. Константин и Настя сцепили руки, их лица были каменными масками.

На экране, где должен был вспыхнуть зелёный символ связи и прозвучать голос из века вперёд, лежала чёрная, мёртвая пустота.

Секунда. Сердцебиение цивилизации.

Десять. Вечность в безвоздушном пространстве отчаяния.

Минута. Приговор.

Молчание.

Оно не просто повисло в залах «Ойкумены» — оно затопило их. Оно просочилось в уютные гостиные, превратив их в склепы. Оно заполнило операционные центры, вытеснив воздух. Это была уже не техническая неполадка. Это был метафизический факт. Будущее — все их будущие, от ближайшего, почти родного, до самого далёкого и таинственного — не отвечало. Не потому что не хотело. А потому что... его не было. Или оно стало чем-то, что не могло или не смело ответить.

Представьте: вы стоите на берегу океана ночи и кричите в сторону дома, где горят огни, где живут ваши дети. Вы знаете, что они там. Вы слышали их голоса час назад. И вы кричите, зная, что они должны вас услышать. А в ответ — только рёв прибоя и полная, вселенская тишина. Не из дома — из мира. И вы понимаете, что огни в окнах — это не свет жизни. Это отражение вашего собственного костра на пустых, стеклянных глазах мертвеца.

Немой Колокол. Это кодовое имя, появившееся в сверхсекретной сводке Совета Наблюдателей в ту ночь, стало синонимом самого чудовищного открытия в истории разума. Они победили тиранию. Победили нужду. Победили саму смерть в её привычном обличье. Они вышли к порогу звёзд, готовые к вечности. И теперь, в момент величайшего торжества, они обнаружили, что все их пути, все их светлые завтра, упираются в глухую, непроницаемую, абсолютно немую стену. Стену из ничего. Стену из конца.

Золотой Век в одно мгновение не просто потускнел. Он рассыпался, как мираж. Он оказался хрупкой свечой, отчаянно горящей не в уютной комнате, а на самом краю бездонной, чёрной ледяной пропасти. И это была пропасть не прошлого, не памяти, не забвения. Это была пропасть грядущего. Того самого будущего, ради которого они жили, боролись и строили.

И из этой пропасти, сквозь немое отчаяние, сквозь леденящий ужас, начал доноситься едва уловимый, на грани слуха, зов. Не голос. Не сигнал. Зов. Как эхо в пустом соборе, как скрежет камней в глубине шахты. Зов из Завтра. В нём не было ни надежды, ни обещаний, ни ответов на их вопросы.

В нём был только один, чудовищный, обращённый не во вне, а внутрь, вопрос. Вопрос, от которого стыла кровь в жилах и замирало сердце. Вопрос, который отныне будет преследовать их в каждом тихом моменте, в каждом смехе их детей, в каждом восходе солнца над их прекрасным, обречённым миром:

Что ты наделал, что даже будущее от тебя отвернулось?

АКТ II: ВИЗИТ СТАРЫХ ПСОВ. ПРИЗЫВ

Тишина «Немого Колокола» ещё не достигла идиллических уголков, где отгородились от мира Титаны. Их покой охраняли не только деньги и технологии, но и всеобщее, почти суеверное уважение. Но для старых волков Совета Наблюдателей, чьи уши были всегда прижаты к земле истории, эта тишина была громче любых взрывов. И они, как и много лет назад, отправились за своим спецназом.

Они пришли без предупреждения, без звонков по защищённым каналам. Каждый — к своему. Как в те страшные и решающие дни первой вербовки.

1. Ранчо «Тихий Гром», Патагония.

Воевода Алексей, в замасленной футболке и потёртых джинсах, колдовал над капризным антигравитационным генератором старого трактора. Рядом, старательно повторяя его движения, ковырялся его старший сын, Миша.

— Видишь, сынок, тут не сила нужна, а чуткость, — объяснял Алексей, его могучие пальцы с неожиданной нежностью регулировали микровинты. — Как в старом танке... только танк не взрывался, если ты перепутал полярность на панели навигации.

Тень упала на них, длинная и недвижимая. Алексей не обернулся. Он *почувствовал*. Но Миша поднял голову.

— Пап, смотри... Дядя с бородой.

Алексей медленно выпрямился, вытер руки о брюки и обернулся. На краю ангара, в простой походной куртке, залитой пылью дорог всех континентов, стоял Генерал Воронцов. Его седая щетина отливала серебром, а лицо, изрубленное шрамами-картами былых битв, казалось высеченным из гранита.

— Иди, сын, к матери, помоги ей с обедом, — сказал Алексей мягко, но так, что в голосе прозвучала сталь армейского приказа.

Когда мальчик, бросив на гостя последний настороженный взгляд, убежал, два богатыря молча измеряли друг друга. В воздухе запахло пылью, машинным маслом и... порохом старых воспоминаний.

— Привет, командир, — наконец хрипло проговорил Воронцов. — Красиво живёшь. Мешаю раю.

— Не командир я тебе давно, Саша, — ответил Алексей, его голос был спокоен. — Гость — всегда желанен. Но вид у тебя... не курортный. С запахом тревоги.

Воронцов тяжело вздохнул, его взгляд ушёл куда-то за горизонт, где бушевал ледяной патагонский ветер.

— Будущее, Алексей. Оно онемело. — Он произнёс это просто, как констатацию факта. — «Легенды». Все четыре. Ни одна не пискнула. Как будто упёрлись в глухую стену. В чёрный ящик.

Алексей почувствовал, как по спине, под футболкой, пробежал старый, знакомый холод. Не страх. *Предчувствие*. Ощущение надвигающейся бури, которое не обманывало его даже в самые тихие дни.

— И что Совет решил? Гадают на кофейной гуще с помощью суперкомпьютера?

— Совет изучает варианты, — отмахнулся Воронцов. — А я... я пришёл просить. Не за Галактический Парламент, не за планету. Не за абстрактное «человечество». — Он посмотрел Воеводе прямо в глаза, и в его взгляде, всегда жёстком, промелькнуло что-то новое, уязвимое. — За них. За мальчишек и девчонок. За тех «Персеев», которых мы когда-то выдернули из самого пекла и сделали... стражами. Они не вернулись из командировки, Алексей. Без следа. Без боя. Без последнего слова.

В этот момент из дома вышла Ева. В простом льняном платье, босиком, с влажными от мытья посуды руками. Но осанка у неё была, как у королевы, вступающей на поле брани. Она услышала последние слова. Не сказав ничего, она подошла и встала рядом с мужем, положив ладонь ему на плечо. Её взгляд, обращённый к Воронцову, был не обвиняющим, а *понимающим*. Она видела ту же боль.

— Саша, — тихо сказала она. — Ты просишь его уйти. Снова.

— Прошу найти наших, Евгения Львовна, — голос Воронцова дрогнул. Впервые за многие годы в нём звучала не ярость, а отцовская боль. — И понять, что там случилось. Пока это «что-то»... не решило нанести ответный визит.

2. Остров «Скаल्पель», Тихий океан.

Охотник Пётр, похожий на загорелого медведя в одних шортах, учил дочь Стефанию читать «письмена» на песке.

— Видишь, Стефа? Это краб. Шёл боком, спешил. А тут... цапля прошла. Медленно, вальяжно. Видишь разницу? Вот так и в жизни — по походке врага можно понять, насколько он уверен в себе.

К ним по песку, оставляя аккуратные следы дорожных белых мокасин, подошёл Генерал Штраус. В своём безупречном белом костюме и с солнечными очками он смотрелся на пляже как пингвин на сафари.

— Дядя Генрих! — радостно завопила Стефания.

— Добрый день, Стефа. Пётр, — вежливо кивнул Штраус, снимая очки.

— Алису искать? Она в лагуне, с водорослями какие-то сложные отношения выясняет, — усмехнулся Пётр, но в его глазах, всегда немного прищуренных, вспыхнула привычная настороженность хищника. — Или дело есть?

— Дело, — подтвердил Штраус, поправляя несуществующую пылинку на лацкане. — Крупное. «Проект «Легенда». Полный дефолт. Все активы — а под активами я подразумеваю четыре экипажа первоклассных специалистов и, что важнее, «Персеев» — списаны в убыток. Без отчётности. Без аудита. Рынок завтрашнего дня, Пётр, оказался... закрыт. Произошло форс-мажорное обстоятельство, которое мы не можем проанализировать с берега.

Из-за пальм вышла Алиса. В бикини цвета морской волны, с накинутым на плечи прозрачным парео и планшетом в руках. Её острый взгляд скользнул по Штраусу, и она мгновенно, как компьютер, обработала данные: поза, микромимика, время суток, отсутствие предупреждения.

— Генрих, ты нарушаешь наш договор о ненападении личными визитами, — заявила она, подходя. — Ты не с подарком. Ты с аудитом. Нашему острову что, грозит банкротство?

— Вашему острову — нет, — холодно и чётко ответил Штраус. — Но нашей общей... инвестиции в будущее — да. Срочно требуются полевые аудиторы. Те, кто не испугается того, что увидит в чёрной бухгалтерии времени. Кто сможет проверить счёт и, если потребуется, выбить долг.

Пётр медленно выпрямился во весь свой гигантский рост. В его расслабленной позе появилась та самая, давно не востребованная, пружинистая готовность к броску.

— Ты предлагаешь нам стать такими коллекторами.

— Предлагаю вам, — Штраус посмотрел на них обоих, — выяснить, куда провалились наши лучшие сотрудники. И вернуть их. Если, конечно, баланс ещё позволяет говорить о возврате активов.

3. Обсерватория «Зеркало Души», Гималаи.

Воин Фёдор и его сын Данила, в простых льняных одеждах, двигались в полной тишине на залитой солнцем площадке. Их деревянные мечи описывали в воздухе сложные, плавные узоры, больше похожие на танец, чем на бой.

— Движение не должно рождать шум, сын, — тихо говорил Фёдор. — Оно должно рождать... резонанс. Гармонию с пространством.

Ворота обители с лёгким скрипом открылись. Вошёл Генерал Ли Вэй. Его лицо, как всегда, было бесстрастной маской, а тёмный костюм выглядел чужеродно на фоне каменных ступеней и мха.

— Мастер Фёдор. Юный Данила. Мира вашему дому, — его голос был ровным, механическим.

— Генерал Ли. Мира и тебе. Что привело тебя в наши горы? Неужели созерцать вершины? — спросил Фёдор, опуская тренировочный меч.

— Обнаружен сбой в целевой функции, — начал Ли Вэй без предисловий, как докладчик ИИ. — «Проект «Легенда». Цель: сбор данных из точек T+100, T+200, T+400, T+800. Результат: нулевой. Все группы утрачены. Канал обратной связи мёртв. Логическая цепь прервана. Вероятность присутствия в целевом временном интервале враждебного внешнего фактора — 96,3%. Для анализа и устранения данного сбоя требуется внесение в уравнение новой, сверхнадёжной переменной. — Он сделал микроскопическую паузу. — Вы, Мастер Фёдор, являетесь оптимальной переменной.

Из тени каменной арки, словно из самой горы, вышла Вера в лёгких белых одеждах. Она внимательно посмотрела на Ли Вэя, и казалось, она видит не его лицо, а те цифры и проценты, что крутились у него за глазами.

— Ты говоришь не о сбое, Генерал, — тихо сказала она. — Ты говоришь о тишине. О пустоте, которая пожирает голоса. О дыре в грядущем.

Ли Вэй медленно кивнул, и в его бесстрастном взгляде мелькнуло нечто, похожее на уважение.

— Именно так, мадам Вера. Аномальная тишина, нарушающая все логические прогнозы. Её необходимо исследовать. И, если потребуется... заставить вновь зазвучать. Или заглушить источник, который её создаёт.

4. Поместье «Паутина», Шотландия.

Стрелок Игорь, в бархатном халате, с почти религиозным благоговением чистил затвор винтовки времён Крымской войны. В кабинете пахло кожей, старым деревом и маслом для оружия. Софья, погружённая в голографическую схему чего-то очень сложного, что висела в воздухе, даже не пошевелилась, когда дверь распахнулась.

В проёме, отряхивая с плаща осенние капли, стоял Генерал Торн. Его лицо было похоже на помятый пергамент, а глаза горели знакомым едким огнём.

— Тук-тук, — проворчал он без всякой тени приветствия.

— А, — не отрываясь от голограммы, сказала Софья. — Дикий зверь в библиотеке. Не стучись, так роднее. Испугаешь только книги.

— Некогда стучаться, паучиха! — огрызнулся Торн, сбрасывая мокрый плащ на дорогой персидский ковёр. — У вас тут тихо, пахнет нафталином и мудростью. А там, в том, что вы называете «будущим» — чистое поле. Мёртвая зона.

Игорь медленно, с наслаждением щёлкнув затвором, поставил винтовку в стеклянный шкаф.

— И что, старый ворчун, ветер в твоих парусах наконец-то сменился на попутный? Или просто пришёл испортить нам вечер?

— Твои сети, аристократ! — Торн ткнул пальцем в сторону окна, за которым хмурилось небо. — Те, что ты, твоя леди и все ваши умники раскинули в завтра! Все порваны! В клочья! Молчком! Ни крика, ни сигнала бедствия, ни одного позорного «простите, мы облажались». Чистый, стерильный провал. Как будто будущее... выжгли калёным железом.

Игорь замер. Его лицо, всегда контролируемое, стало похоже на ледяную маску.

— И что ты предлагаешь? Устроить салонный séance и вызвать духов пропавших экспедиций?

— Предлагаю не сидеть тут, как сытый кот у камина! — взорвался Торн, его лицо покраснело. — Предлагаю встать, отряхнуть эту бархатную пыль с задницы и пойти посмотреть, что за хрень выжигает наших лучших разведчиков! Или ты забыл, КАК ЭТО? Идти в тёмную комнату, из которой могут не вернуться?

Софья наконец оторвалась от голограммы. Она встала, и её умные, пронзительные глаза сузились, изучая Торна не как раздражённого старика, а как источник угрозы.

— Ты боишься не за потерянные данные, Марк, — сказала она тихо. — Ты чувствуешь. Ты боишься, что эта «тишина» — не статична. Что она уже идёт сюда. По временной линии. И ты хочешь, чтобы мы снова встали на её пути. Стали живым щитом.

Торн тяжело дышал, глядя на них. Потом вся его напускная ярость схлынула, обнажив усталость и страх.

— Да, — просто сказал он, поникнув. — Старый, больной пёс пришёл просить альфов снова встать во главе стаи. Потому что чует в воздухе незнакомый, чёртовски страшный запах. И лаять на него уже бесполезно.

5. Кратер «Кузница», Камчатка.

Хаос. Царство Механика. В воздухе висели голограммы чертежей, по полу ползали сервисные дроны-пауки, а с верстака доносилось злобное шипение паяльника. Константин, в промасленном комбинезоне, и его десятилетняя дочь Ярослава, в мини-копии отцовского комбинезона, что-то азартно паяли над платой, испещрённой светодиодами.

— Ты уверена, что полярность соблюла, Ясь? — спрашивал Константин, щурясь на дым.

— Пап, я же не вчера родилась! — фыркнула девочка. — Смотри, сейчас он загорится...

В этот момент раздался спокойный, басовитый голос:

— Семейный подряд на производство хаоса?

На пороге мастерской, улыбаясь своей мудрой, спокойной улыбкой, стоял Генерал Мехта.

— Дядя Раджив! — завизжала Яся, бросила паяльник и побежала к нему, обвивая ногами, как маленькая обезьянка.

— Привет, старик, — Константин отложил инструмент. — Что, на скутере через полпланеты прикатил? Или тут у нас аномалия пространства открылась?

— Ветер перемен, Костя, — сказал Мехта, сажая Ясю на плечо, как когда-то, много лет назад. — Нехороший ветер. Наши дети... те, кого мы с тобой когда-то вели в последний бой, а потом научили жить в мире... они ушли в будущее. И не вернулись. Все. Четыре корабля. Четыре экипажа. Тишина.

Из-за стеллажа, заваленного квантовыми процессорами, вынырнула Настя. В комбинезоне, заляпанном непонятной химией, с огромным разводным ключом в руке.

— Что слышно? О! Раджив! — её лицо осветилось улыбкой, которая тут же сменилась озадаченностью. — Что значит «не вернулись»? Все «Легенды»? Это же... это же не просто авария! Это системный сбой! На уровне самой реальности! — В её глазах, вопреки мраку новости, вспыхнул азарт исследователя, увидевшего самую сложную загадку.

— Именно так, — кивнул Мехта, ставя Ясю на пол. — И мы, старики, чьи методы кажутся архаичными в этом прекрасном новом мире, пришли просить вас, лучших инженеров реальности, которых мы знаем... пойти и починить будущее. Выяснить, что за вирус поразил ткань времени. И найти антидот. Пока этот вирус не стал пандемией, против которой нет лекарства.

И так, в пяти уголках мира, в их идиллическом покое прозвучал один и тот же призыв. Не приказ. Просьба. Мольба старых солдат, увидевших, как в чёрную дыру тишины проваливаются их преемники, их дети по духу. И каждый из Титанов, глядя в глаза жене, чувствуя тревожное биение сердца, понимал: их отпуск закончился. «Немой Колокол» звонил. И звонил он по ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.